

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВОЗДЕЙСТВИЯ В ТЕКСТЕ ПРОПОВЕДИ

«В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Ин. 1:1) [4, 142] – этими словами начинается новая эпоха в жизни человечества. С этих слов начинается эпоха христианского проповедничества.

Проповедь (англ. *Homily, Sermon*) – «речь христианская, провозглашенная с кафедры в церкви для наставления и назидания верующих» [5, 6].

В настоящей работе предпринята попытка исследования лингвистических и экстралингвистических механизмов воздействия на аудиторию в тексте проповеди на материале англиканского богослужения.

Прежде чем перейти непосредственно к анализу проповеди, выбранной в качестве материала исследования, представляется целесообразным вкратце описать некоторые особенности англиканского религиозного течения и, в частности, особенности проповедничества в англиканской церкви.

Не вдаваясь в исторические подробности, отметим, что возникновение англиканской церкви (*Church of England*) во многом обязано компромиссу, по своему учению и отношению к культуре и церковному устройству она занимает среднее положение между протестантской и католической церквями [6, 732]. Будучи государственной церковью, она тесно связана с окружающей ее общественной и политической средой и «проникнута духом применимости к окружающей среде», что часто критикуется догматическими богословами [1, 145]. С другой стороны, они отмечают, что проповедь в англиканском богослужении, занимая центральное место [2, 289], несет на себе «печать свежести и религиозной подлинности — соединения «современности» и живости с неизменностью самого религиозного содержания» [1, 165].

Материалом исследования в данной статье послужила проповедь Архиепископа Кентерберийского Джорджа Керри во время поминального богослужения (*British Remembrance Service*) в Вестминстерском аббатстве. Это богослужение было посвящено памяти британцев, став-

ших жертвой террористических актов в Нью-Йорке 11 сентября 2001 года. Прямая трансляция поминальной службы передавалась по *BBC World*. Текст проповеди был записан нами на видеопленку, затранскрибирован и подвергнут лингвистическому анализу [7].

Учитывая необычайную важность событий 11 сентября для всего мира и имея своей целью обрисовать экстралингвистическую ситуацию, позволим себе провести «краткий репортаж» из Вестминстерского аббатства. На богослужении присутствовали члены семей погибших британцев, большинство членов королевской фамилии во главе с Елизаветой II, политические лидеры Великобритании, включая премьер-министра Т. Блэра, делегация из США, возглавляемая президентом страны Дж. Бушем. Торжественность церемонии усиливалась участием лучших британских хоров, исполнявших псалмы и песнопения. Британская актриса Дейм Дж. Денч продекламировала стихотворения английского и американского поэтов, что подчеркивало единение двух держав перед лицом трагедии. Т. Блэр прочел отрывок из Послания к Римлянам, не добавив от себя ни слова, давая понять, что в данной ситуации он выступает не как политический лидер, а как частное лицо и вместе со всеми переживает общее горе. По окончании богослужения Елизавета II возложила цветы к монументу, установленному у входа в Вестминстерское аббатство в память жертв террористического акта.

Ключевым моментом описываемого события явилась проповедь Архиепископа Кентерберийского Джорджа Керри, произнесенная во время богослужения.

Эта проповедь в классическом понимании несколько отличается от обычной литургической проповеди в силу своей «посвященности» внешнему, а не Библейскому событию. Выбирая из двух англоязычных обозначений проповеди – «*sermon*» (проповедь) и «*homily*» (проповедь, наставление, поучение), целесообразнее было бы отнести речь Архиепископа Кентерберийского к последней – «*homily*», исходя из ее коммуникативной установки.

Основными задачами исследуемой проповеди были, во-первых, почтить память погибших соотечественников, во-вторых, настроить аудиторию на осмысление происшедшего, в-третьих, давая недвусмысленную оценку чудовищному варварству террористического акта, попытаться извлечь добро из зла («*to bring good out of evil*»), и, конечно, главной задачей явилось провести идею постоянного Божественного

присутствия в земной жизни, которое не оставляет место отчаянию и ненависти.

Исходя из идеи Божественного промысла, проповедник строит текст своей речи по нарастающей положительной траектории, что наблюдается как на лексическом, так и на фонетическом уровне.

Так, говоря о жертвах трагедии, он последовательно использует глаголы *mourn — miss — remember*, показывая переход от скорби к светлой памяти. При этом, как христианин, отрицая идею вечной смерти, он по возможности избегает слов «*death*», «*die*», заменяя их выражениями «*those we mourn today*», «*they were taken from us*», «*your loved ones — the present and the departed*», «*it's a love which offers your dearest an eternal dwelling place*». Окаzionale появление слова *death* случит лишь для более яркого противопоставления его слову *life*: «*someone staring death in the face, should be looking to life*».

На фонетическом уровне положительная траектория исследуемой проповеди осуществляется за счет постепенного ускорения темпа речи, повышения уровня голоса, изменения ритмической структуры речи от монотонной (или отрывистой) до постепенной или некомпактной.

Отличительной особенностью исследуемой речи является гармоничное сочетание фонетических стилей – публицистического (к которому, собственно, и относятся тексты проповедей) и разговорного. Возможно, объяснение этому кроется в особенности англиканской проповеди как речевого акта: в той самой «применяемости» к окружающей среде, которую так критикуют догматические богословы.

Как опытный оратор и высокообразованный человек проповедник следует всем канонам риторики, начиная с отбора стилистических фигур и заканчивая адекватным просодическим оформлением речи. Однако часто проповедник вкрапляет в ткань своего повествования разговорные конструкции, которые не только оживляют его речь, но и усиливают прагматический эффект проповеди.

Несмотря на официальность и печальную серьезность богослужения, в речь проповедника вклиниваются описания определенных событий того дня, изобилующие подробными и иногда занятными деталями. Например, говоря о смелости и взаимовыручке людей, находящихся в одном из взорванных зданий, он так ярко живописует ситуацию, что создается ощущение присутствия:

The exhausted man on the 40th floor who was given help by a complete stranger. A stranger who simply wouldn't let him give up, dragging the man by his collar onwards to safety [7].

Совмещение констатации божественных истин с приведением конкретных деталей особенно ярко проявляется в кульминационной части проповеди, в которой акцентируется идея постоянного Божественного присутствия в жизни людей:

The Christian answer is, «God is there in our good times as well as in our bad, is there at our beginning and at our end is there with that beggar, shivering at the foot of the World Trade Centre, is there with that girl, boarding a plane unwittingly in Boston, is there with that perspiring man, rushing for a nine o'clock appointment on the 99th floor, is there also with the sufferings of the innocent and destitute caught up in a conflict in Afghanistan which they never started and which they can't resolve» [7].

Используя излюбленный ораторами синтактико-стилистический прием – частичные параллельные конструкции, проповедник строит свое высказывание по принципу количественной градации, переходя от общей христианской идеи к частностям, тем самым усиливая эмоциональный накал фразы. При этом он использует постепенный синтаксический ритм (постепенно возрастающую длительность синтаксических конструкций) и восходящую скандентную шкалу в сочетании с постепенным повышением громкости.

Для получения более достоверных сведений о просодических средствах воздействия в исследуемом тексте нами был проведен аудиторский анализ проповеди. В качестве аудиторов были приглашены студенты IV-V курсов факультета РГФ, специализирующиеся на кафедре фонетики.

Десяти аудиторам было предложено выявить степень участия определенных просодических параметров (высота голоса, громкость, темп, ритм, паузация, использование эмфатических терминальных тонов) в создании или усилении воздействующего эффекта проповеди на разных участках текста. После поэтапного двукратного прослушивания частей текста аудиторы должны были отметить не более трех из предложенных параметров, которые, на их взгляд, обладают большей степенью воздействия. Общее количество ответов по каждой части проповеди принималось за 100%. При делении текста на участки

учитывался тот факт, что христианская проповедь заимствовала у античной риторики устойчивую схему расположения материала [3, 36]. В соответствии с этой схемой аудиторам были предъявлены для прослушивания следующие части текста:

- 1) вступление;
- 2) основная (главная) часть;
- 3) заключение.

Результаты аудиторского анализа представлены в таблице 1.

Таблица 1
Участие просодических параметров в создании воздействующего эффекта текста (в %)

Часть текста	Высота голоса	Громкость	Темп	Ритм	Паузация	Использование эмфатических терминальных тонов
Вступление	3,2	9,7	22,6	29,0	29,0	6,5
Основная часть	6,5	6,5	19,4	29,0	22,5	16,1
Заключение	3,1	6,2	25,0	25,0	31,3	9,4
В среднем	4,4	7,5	22,0	27,7	27,6	10,4

Как видно из таблицы, стабильно высокими показателями характеризуются ритм и паузация, особенно во вступительной и заключительной частях проповеди. Высокий процент темпа зафиксирован в заключительной части речи, где наблюдалось чередование очень медленного темпа с убыстренным. Аудиторами практически не выделялись громкость и высотный уровень в качестве средств воздействия. Это можно объяснить тем, что проповедь, как и любое публичное выступление, традиционно характеризуется повышенной громкостью и высоким уровнем голоса. Поэтому аудиторы отмечали эти параметры в тех случаях, когда наблюдалось понижение громкости или контрастирование высокого уровня голоса с низким. Использование эмфатических терминальных тонов отмечено большинством аудиторов в основной части проповеди, что объясняется наибольшим просодическим разнообразием этой части текста.

Говоря о лингвистических особенностях текстов проповеди, необходимо учитывать немаловажный экстралингвистический фактор –

ситуацию общения, без которого невозможно адекватное восприятие речи проповедника. Только комплексное исследование лингвистических и экстралингвистических средств воздействия может дать объективное представление о таком особом виде речевой деятельности как проповедь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арсеньев П.С. Единый поток жизни (к проблеме единства христиан) – Брюссель, 1973. – С. 137-174.
2. Булгаков С.Н. Православие. Очерки учения православной церкви. – Париж, 1985. – С. 277-297.
3. Гаспаров М.Л. Античная риторика как система//Античная поэтика: риторическая теория и литературная практика. – М.: Наука, 1991. – С. 27-59.
4. Новый Завет. – М.: Изд.Моск.Патриархии, 1958. – 543 с.
5. Русское проповедничество. Исторический его обзор и взгляд на современное его направление. – СПб., 1871. – 444с.
6. Энциклопедический словарь. – Т. П. – С.-Петербург: Изд. Брокгауза и Ефрона, 1893. – С. 732-735.
7. British Remembrance Service, Westminster Abbey. – Видеозапись репортажа о поминальной службе в Вестминстерском аббатстве, 2001.